

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

С.Ф. Дмитренко¹

*Литературный институт имени А.М. Горького
(Москва)*

ИСТОРИЯ ЗАКРЫТИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» И СКАЗКИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА²

В статье на основании документов рассматривается история закрытия журнала «Отечественные Записки» в 1884 году и особенности творческой деятельности М.Е. Салтыкова-Щедрина после закрытия журнала. Особое внимание уделяется феномену его сказок.

Ключевые слова: Салтыков Щедрин, «Отечественные Записки», цензура, публицистика, сказка, журнал, психология творчества

S.F. Dmitrenko

*Maxim Gorky Literature Institute
(Moscow)*

THE STORY OF CLOSING DOWN «OTECHESTVENNYE ZAPISKI («PATRIOTIC NOTES»), AND THE TALES BY M.E. SALTUKOV-SHCHEDRIN

Documentary-based, the article examines the circumstances of closing down the journal «Otechestvennye Zapiski» in 1884, and dwells on the character of M.E. Saltykov-Shchedrin's prosaic work after the magazine shutdown. Special attention is paid to the phenomenon of the writer's fairy tales.

---

¹ Сергей Федорович Дмитренко, кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А.М. Горького, член Союза журналистов Москвы; literat2015@yandex.ru

² Исследование выполнено в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» (№ 15-04-00389).

Key words: Saltykov Shchedrin, «Otechestvennye Zapiski», censorship, journalism, fairy tale, journal, psychology of creativity.

Закрытие «Отечественных записок» в щедриноведении связывается не столько с подрывной политической деятельностью ряда его сотрудников, сколько с публикацией (или попытками публикаций) некоторых произведений самого Салтыкова, прежде всего, сказок.

В своем анализе мы должны последовательно воздерживаться от модернизации исторических обстоятельств и коллизий конкретного времени, самой психологии живших тогда людей. Признано, что российская цензурная реформа 1865 года «явилась значительным шагом вперед в истории цензурного законодательства, положив начало переходу к закону о печати» [Цензура в России, 2003, с. 19]. Действия цензуры, как и других государственных учреждений, в целом были направлены на обеспечение исполнения действующего законодательства. В частности, установленная система предостережений была нацелена отнюдь не только против так называемых прогрессивных изданий. Е.М. Феоктистов вспоминает, что в марте 1887 года Александр III приказал Министерству внутренних дел вынести газете «Московские ведомости» *первое предостережение* за вмешательство М.Н. Каткова в вопросы внешней политики и только из тактических соображений отменил его, донеся до Каткова все свои претензии [см. подробнее: Феоктистов, 1991, с. 244-247].

1

Как известно, в соответствии с тогдашним российским законодательством, первое предостережение «Отечественным запискам» было объявлено 19 июля 1872 года (10, 757-758)¹ и снято в рамках амнистии по случаю взятия Плевны. И только 14 февраля 1879 года предостережение вновь было вынесено за материалы в январском

---

¹ См. подробнее: Салтыков-Щедрин, 1965–1977, 10, с. 757-758.

(1879) номере: «неприятное и даже более враждебное отношение редакции ко всем без исключения правительственным мероприятиям и ко всем органам правительственной власти высказывается так рельефно, что статьи эти не могут и не должны быть оставлены без серьезного внимания со стороны цензурного ведомства» [Боград, 1971, с. 481]. Фактически второе, оно вновь стало первым.

Следующее предостережение относится к 22 января 1883 года и конкретно связано с помещением в № 1 за 1883 год статьи Н.Я. Николадзе «Луи Блан и Гамбетта», «содержащей восхваление одного из французских коммунаров – Рошфора» и, главное, «с полной ясностью» выражающей «крайне предосудительное направление журнала». Кроме того, в докладе Д.А. Толстого содержится отрицательная характеристика опубликованных в этом же номере глав «Современной идиллии»: «переходящая всякое приличие карикатура», «нахальное издевательство, неистовое глумление над правительством в деле преследования политических преступников». Вместе с тем необходимо отметить следующие пункты доклада: 1) «предосудительное во многих отношениях направление журнала выражается вообще не только в статьях г. Щедрина, но и во многих других»; 2) «Отечественные записки» «обязаны своим успехом статьям г. Салтыкова. За исключением их, журнал не представляет ничего выдающегося»¹.

Эти и другие акценты доклада, не приводимые здесь лишь по недостатку места, свидетельствуют об относительной объективности членов Совета Главного управления по делам печати и, во всяком случае, об их понимании своеобразия художественного творчества и его отличия от публицистики или непосредственно пропагандистской продукции, управляемой злобой дня и политической конъюнктурой. Щедриноведы предполагают, что, хотя и в 1872 году при вынесении «Отечественным запискам» первого предостережения причиной его называлась публикация статьи Н. Демерта «Наши отечественные дела»

---

¹ См. подробнее: Цензурные материалы о Щедрине, 1934, с. 148-155. Отметим, что именно публикация документов представляет реальную, а не интерпретированную динамику взаимоотношений редакции «Отечественных записок» с Главным управлением по делам печати.

(1872. № 7), главное недовольство вызвала помещенная в № 6 глава VI «Дневника провинциала в Петербурге» Щедрина¹.

Даже С.А. Макашин, работавший в обстоятельствах советского литературоведения, тщательно описывавший и каталогизировавший все цензурные стеснения в отношении Салтыкова, как честный ученый обнаружил следующий вывод: «...нельзя признать соответствующим действительности бытовавшее долго представление (отчасти оно сохранилось и по сей день), что литературное наследие автора “Истории одного города” дошло до нас, по вине цензуры, в очень неполном и сильно искаженном виде. Все главные его произведения, за исключением четырех сказок (“Медведь на воеводстве”, “Орел-меценат”, “Богатырь” и “Вяленая вобла”) были напечатаны» [Макашин, 1989, с. 289].

Собственно, и прекращение издания «Отечественных записок» (оно произошло без вынесения третьего предостережения) было вызвано, главным образом, внелитературными причинами. Соредатор Салтыкова по журналу Н.К. Михайловский, с 1870-х годов имевший, как известно, связи с «Народной волей», с 1879 года состоял под негласным надзором полиции. С 1 января 1883 года вместе с Н.В. Шелгуновым, ответственным редактором социал-радикалистского журнала «Дело», он был выслан из Петербурга и жил в Выборге, а с мая 1884 года – на станции Любань Новгородской губернии. А 3 января 1884 года был арестован другой ведущий сотрудник «Отечественных записок» С.Н. Кривенко, активно и многообразно сотрудничавший с «Народной волей». Помимо прочих деяний, вероятно, на совести именно Кривенко была передача в нелегальную печать сказок и других произведений Салтыкова, попавших под цензурные стеснения, – факт, вызывавший негодование писателя, стремившегося к качественному изданию своих сочинений². Вместе с тем названный выше публицист Н.Я. Николадзе (1843–1928), который со студенческих лет участвовал в разного рода радикалистских акциях и вследствие этого имел богатую историю разнообразных острых

---

¹ См., в частности: Салтыков-Щедрин, 1965–1977, 10, с. 756-758.

² См. о фактах жизни Кривенко в статье А.В. Чанцева: Русские писатели, 1994, с. 153-155.

конфликтов с властями, заменил Н.К. Михайловского, а затем и С.Н. Кривенко на их редакционных должностях, что косвенно свидетельствует о нежелании чиновников Главного управления по делам печати доводить дело с «Отечественными записками» до их прекращения.

С.А. Макашин посвятил этому эпизоду русской литературно-общественной жизни отдельную работу и пришел к заключению, что в решении закрыть журнал возобладали именно политические мотивы, и «акция эта была по существу полицейской». Граф Д.А. Толстой, президент Императорской Академии наук с 25 апреля 1882 года, был назначен 30 мая министром внутренних дел и стал шефом жандармов. Он двумя годами ранее Салтыкова окончил тогда еще Царскосельский лицей, был не чужд исторических изысканий и состоял с Салтыковым в товарищеских отношениях. По воспоминаниям Е.М. Феоктистова, бывшего с 1 января 1883 года начальником Главного управления по делам печати, уже в пору, когда за рубежом в радикалистских изданиях печатались «произведения Щедрина (Салтыкова)», зачастую даже без согласия автора, «Толстой колебался» инициировать процесс закрытия «Отечественных записок» главным образом «из опасения возбудить неудовольствие в обществе» [Феоктистов, 1991, с. 233]. Это подтверждается свидетельством самого Салтыкова в письме к А.А. Краевскому от 9 марта 1884 года: «Я вчера был у Феоктистова <...>; он мне обещал, что не будет принято против «Отечественных» зап<исок>» мер без предварительного соглашения со мной. Это очень мало, но все-таки, что-нибудь. Он же мне сказал, что и гр. Толстой не желает предпринимать что-либо лично против меня, по старому товариществу» [Салтыков-Щедрин, 19-2, с. 290].

И хотя журнал все же был закрыт, в литературно-культурном обществе это действие в целом не нашло понимания, не говоря о поддержке. Так, К.Д. Кавелин писал Д.А. Милютину 21 апреля 1884 г.: «Правительство тут, как и во множестве других случаев, оказалось ниже своего положения и действовало как партия, а не как орган государственной власти, – точно будто бы четыре министра были газетные или журнальные борзописцы, сотрудники редакции литературного органа противной партии. Правительство таким способом действий только все более и более теряет доверие, уважение и ореол, которым должно быть окружено в интересах государственной власти» [Кавелин, 1909, с. 34].

Кроме того, при характеристике общей психологической атмосферы, в которой шло издание «Отечественных записок» в 1880-е годы, следует, наконец, уделить должное внимание и факту появления в литературном пространстве Санкт-Петербурга журнала «Русское богатство», переформатированного издателем из безуспешного торгово-экономического и сельскохозяйственного издания в журнал не столько литературной, сколько социал-радикалистской нацеленности. Феномен тогдашнего «Русского богатства», тяжело становившегося на ноги в начале 1880-х годов, в том, что при ближайшем участии С.Н. Кривенко, а также ряда постоянных авторов «Отечественных записок» предпринималась попытка создать, по сути, конкурента щедринскому детищу, перетянуть к себе тех читателей, которым общественно-политическая позиция «Отечественных записок» представлялась недостаточно радикальной. Например, Н.Н. Златовратский, который связывал начало своей литературной деятельности именно с «Отечественными записками» (1874 год) и еще в 1876 году выпустил в Петербурге под псевдонимом «Маленький Щедрин» сборник «Сатирические рассказы золотого человека», печатался в «Отечественных записках» практически до их закрытия. Красноречиво на этом фоне его признание Салтыкову-Щедрину в письме от 4 апреля 1882 года: «Вы сами знаете, что даже то немного, что я успел еще сделать лично, было исполнено только при неослабном участии ко мне редакции “Отеч. Запис.”. Без этого стороннего участия моя деятельность была бы невысказана...» [Письма писателей к Салтыкову, 1934, с. 366]. Однако одновременно с этим некоторое время (1880–1881) Златовратский пребывал редактором «Русского богатства».

Такое положение вещей вызывало раздражение Салтыкова, который и сам нигде, кроме «Отечественных записок» не печатался, и, по свидетельствам А.М. Скабичевского, требовал от авторов своего журнала также соблюдать очевидные этические правила, во всяком случае, не подписывать под публикациями в других изданиях свои настоящие имена. «Каждый раз он выходил из себя и ворчал, когда видел мою фамилию в другом органе. Так взбеленился он, увидев мои статьи в “Русском Богатстве” <...>. После этого я помещал свои статьи в “Р.Б.”, подписывая их не иначе, как непроницаемыми псевдонимами» [Скабичевский, 2001, с. 375, 381].

Характерно, что после закрытия «Отечественных Записок» сам Салтыков, как видно, с полной определенностью оценил вышеописанный «раскол в радикалах». Несмотря на то, что в 1883 году издателем и фактическим редактором «Русского богатства» стал Л.Е. Оболенский, писавший с конца 1879 годов о творчестве Салтыкова, а также о произведениях многих авторов «Отечественных записок», оставшийся без постоянного места печатания писатель сделал красноречивый выбор. Салтыков предлагал свои новые сочинения журналу «Вестник Европы» и газете «Русские ведомости» (кое-что было напечатано в «Книжках “Недели”»). «Русское богатство» было оставлено им без внимания.

2

Хорошо известно, что закрытие журнала «Отечественные записки», вызвало в литературных кругах и в обществе формирование слухов о том, что это не вполне демократическое, но по своим итогам все же вполне здоровое решение роковым образом сказалось на здоровье и творчестве Салтыкова.

Однако если объективно оценивать как эпистолярные откровения писателя, так и наличествующие художественные результаты его деятельности в 1884–1889 годах, можно совершенно ясно увидеть, что освобожденный от бремени органа, превращенного его неверными соратниками из литературного издания в прибежище разного рода подрывных сил, Салтыков обрел полную творческую свободу. За последние пять лет своей жизни он создал несколько крупномасштабных, подлинно художественных произведений и начал подготовку к изданию своего первого собрания сочинений. Физически продолжая страдать от многих болезней, которые он приобрел еще со времен молодости, писатель тем не менее сохранял огромную жизненную энергию.

В отличие от своих сотрудников по «Отечественным запискам» Н.К. Михайловского и А.М. Скабичевского, Салтыков, оказавшись в состоянии свободного выбора после закрытия их постоянной трибуны, мгновенно обрел силы для перехода в новое творческое качество. Его же напарники, оставаясь главными фигурантами критического цеха 1880-х годов, не только не смогли

освободиться от своих узко партийных пристрастий, но, пожалуй, даже укрепили их. Продукция и того и другого представляет сегодня интерес лишь как реликт эпохи.

А Салтыков еще в 1884 году готовит и выпускает книжное издание «Недоконченных бесед («Между делом»»)» (октябрь) и «Пошехонских рассказов» (ноябрь), в которых блистательно развиты повествовательные традиции гоголевского юмора времен «Вечеров». В том же ноябре начинается публикация цикла «Пестрые письма», отдельное издание которого вышло в ноябре 1886 года, а до этого, в сентябре – первое издание сборника сказок «23 сказки» (как известно, большинство сказок было написано и издано также после «Отечественных записок»).

Завершив в августе 1886 года «Пестрые письма», Салтыков тут же начинает цикл «Мелочи жизни», который давно признан «одним из самых значительных, самых глубоких» произведений писателя, представляющим собой «новый особый сплав острой публицистической “манеры”, характерной для таких высших достижений его творчества как “Письма к тетеньке” или “За рубежом”, с глубиной и совершенством социально-психологического реализма “Господ Головлевых”, многих рассказов “Сборника” и др.» [примечания А.С. Бушмина. К.И. Тюнькина; см.: Салтыков-Щедрин, 1965–1977, с. 329]. А ровно через год, 27 августа 1887 года, после журнально-газетных публикаций глав, вышло книжное издание «Пестрых писем».

И вновь без перерыва – болезни каким-то чудом в который раз отступают – Салтыков начинает неотрывно работать над «Пошехонской стариной» и заканчивает эту самую объемную свою книгу в январе 1889 года. И хотя проблема художественной завершенности финала «Пошехонской старины» остается в поле внимания щедринистов, сама по себе творческая продуктивность Салтыкова в 1884-1888 годах и вплоть до рокового апреля 1889 года не вызывает никаких сомнений.

Хорошо известно свидетельство А.Н. Плещеева, который писал А.П. Чехову 13 сентября 1888 года о работоспособности Салтыкова: «Этот больной старик перещеголяет всех молодых и здоровых писателей» (цит. по: 17, 515 с отсылкой: «Записки Отд.

рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. VI. М., 1940, с. 73). Красноречив контекст этого высказывания. Будучи двумя месяцами старше Салтыкова, Плещеев с 1872 года был членом редакции «Отечественных записок» (секретарь, затем заведующий стихотворным отделом) и прекрасно знал трудовую неутомимость Салтыкова, и ему было с чем сравнивать.

Но российской критике и публицистике так называемого демократического направления в творениях, да и в самой биографии Салтыкова были нужны злободневность, публицистичность, социальный критицизм. Все, что бы ни выходило из-под пера писателя, толковалось, перелицовывалось именно по указанному, предельно суженному лекалу. Так, совершенно очевидно, что именно в 1880-х годах, после психологического романа «Господа Головлевы», после самобытных по своей жанровой организации книг «За рубежом» и «Современная идиллия» Салтыков прочно утвердился в лицевом строе русской литературы. Особого обсуждения требует цикл щедринских сказок, также сформировавшийся после 1884 года.

Сказки традиционно относят к вершинам творчества Салтыкова, и действительно, среди них есть творчески сильные, самобытные вещи. Однако в целом цикл представляет собой сложный конгломерат, который трудно признать художественно целостным. И причина этого не только в том, что цикл складывался с перерывами, на протяжении двух десятилетий, ибо после создания в 1867–1869 гг. трех шедевров («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик») Салтыков оставил сказочную форму.

Это произошло, вероятно, потому, что тогда писатель работал над «Историей одного города» (основная часть опубликована в «Отечественных записках» в 1870 году, следом вышло отдельное издание), которая связана со сказками своеобразными жанровыми чертами. В частности, во всех четырех произведениях действуют персонажи из вполне реальной административной номенклатуры российского общества. При этом и тех и других постоянно подстерегают некие экстраординарные обстоятельства, весьма далекие от четких росписей «Табели о рангах». То, что происходит с персонажами трех сказок, вполне укладывается в сюжетную логику «Истории одного города», а мир, изображаемый в «Истории...», – это,

---

конечно, мир во многих своих чертах сказочный. Причем черты этого невероятного и вместе с тем художественно реального, зримого мира очевидны и в других произведениях Салтыкова той поры, которые остаются ключевыми для его творчества, – в циклах «Помпадурсы и помпадурши» (отдельное издание – 1873), «Господа ташкентцы» (начало публикации в «Отечественных записках» – осень 1869; отдельное издание – 1873), романе «Дневник провинциала в Петербурге» (1872).

Салтыкову принадлежит честь введения в большую литературу русской глубинки, русской провинции – его книга «Губернские очерки» (1856–1857) принесла первую литературную известность и ему самому. Но в «Губернских очерках» Салтыков предстает в основном как бытописатель, мастер социально-психологической прозы. Хотя, конечно, и здесь уже обозначаются приметы грядущего времени, «когда самый горячечный бред не только сравняется с действительностью, но даже будет оттеснен последнею далеко на задний план» («Господа ташкентцы»; 10, с. 212). Завершив в 1868 году свою насыщенную, можно сказать, остросюжетную административную карьеру, которая протекала именно в провинциальных губерниях России, Салтыков получил возможность посмотреть на обретенный административный опыт со стороны. И на этом основании возникла щедринская Россия, возник мир в вышеназванных произведениях. Естественно, в таких обстоятельствах многие предполагаемые сюжеты сказок, сходные с теми, которые были воплощены в их начальной триаде, оказались попросту растворившимися в сюжетных конструкциях новых произведений, поглощенными ими. Попросту говоря: в ту пору в других сказках у Салтыкова не было художественной необходимости, и он ушел от них почти на полтора десятилетия.

Только в книге «За рубежом» (1881), а затем в «Современной идиллии» (1877–1883) появились вставные сказки, а позднее и остальные, составившие основной корпус сказочного цикла, композиционно формировавшегося, но из-за кончины недоформированного Салтыковым. В собрании сочинений Салтыкова и в академическом издании сказок В.Н. Баскаков и А.С. Бушмин предлагают таблицу появления сказок в русской легальной,

нелегальной и эмигрантской печати [Салтыков-Щедрин, 16-1, с. 443-445)]. Эта таблица выразительно показывает, что интерес Салтыкова к жанровой форме сказки как автономной, без встроенности, например, в большое произведение, после многолетнего перерыва возникает лишь в начале 1880-х годов и дает творческие результаты лишь после закрытия «Отечественных записок». Эта же таблица также позволяет увидеть жанровую условность многих щедринских «сказок», созданных в 1880-е годы, и акцентировать тот факт, что в художественном отношении большинство поздних сказок заметно уступает первым «сказкам».

Причины этого выводятся, очевидно, из того обстоятельства, что, Салтыков, сохранивший тягу к публицистически открытому высказыванию, после закрытия «Отечественных записок» не имел своей постоянной трибуны. Тем не менее, он к этому стремился и, если практически все свои крупные произведения он теперь отдавал в журнал «Вестник Европы», то большая часть его сказок была напечатана в московской газете «Русские ведомости».

Дискуссионность в определении жанровой формы щедринских сказок была очевидна уже в период их публикации. В журнале заседания Санкт-Петербургского цензурного комитета 15 апреля 1887 года цензор, профессор-историк Казанского университета В.М. Ведров, в частности, отмечает (протокол подписан известным цензором Н.Е. Лебедевым): «То, что г. Салтыков называет сказками, вовсе не отвечает своему названию; его сказки – та же сатира, и сатира едкая, тенденциозная, более или менее направленная против общественного и политического нашего устройства» [Цензурные материалы о Щедрине, с. 157-159]. Очевидно, что вынужденный и не всегда предсказуемый поиск места публикации побуждал Салтыкова искать новые способы высказывания на злобу дня с выразительными знаками, свойственными и другим его публицистическим сочинениям. Такие способы Салтыков нашел, в частности, на пути возвращения к уже своеобразно представленной им жанровой форме «сказки», притом, что объединение стилистически разнородных произведений этим знаком с вековой традицией зачастую было условным.

Но и в новых условиях общественной жизни приверженность к злободневной словесности у Салтыкова сохранялась. Можно предположить, что почувствовав теперь композиционную

громоздкость привычных ему очерковых циклов-обзоров, предугадывая возможные цензурные затруднения (правда, здесь Салтыков часто перестраховывался), он вновь обратился к сказкам. Как известно, первые три сказки возникли по внешнему поводу: они предназначались для цикла под названием «Для детей», по сути, для молодого поколения, вступающего в жизнь в эпоху реформ императора Александра II. Новые сказки по Щедрину становились своеобразной формой актуального высказывания, жанром публицистическим.

То, что щедринская публицистика переоблачена в сказочные одежды, незамедлительно было замечено социал-радикалами, которые, пользуясь подчас самыми разными путями, стали обнародовать за рубежом новые сказки писателя, еще не публиковавшиеся в «Отечественных записках». После того как 22 января 1883 г., в частности, за публикацию в составе XXIV главы «Современной идиллии» аллегории «Злополучный пискарь, или Драма в Кашинском окружном суде» цензура объявила редакторам «Отечественных записок» второе предостережение, которое вело в итоге к закрытию издания, Салтыков изымает из уже готового к печати номера журнала три свои сказки: «Самоотверженный заяц», «Бедный волк» и «Премудрый пискарь». Но в сентябре того же года эти сказки появляются на страницах женевского ежесемесечника «Общее дело» (№ 55), издаваемом кружком эмигрантов из России. Они выходят под общим редакционным (не авторским) заглавием «Сказки для детей изрядного возраста». Тогда же под этим заглавием названные сказки нелегально распространяются по России, в гектографированных и литографированных изданиях.

Но появляются они, без каких-либо претензий со стороны цензуры, и в январском номере (1884) «Отечественных записок». Зато из февральского номера Салтыков по требованию цензуры изымает сказки «Добродетели и Пороки», «Карась-идеалист», «Обманщик-газетчик и легковёрный читатель», «Медведь на воеводстве» («Топтыгин 1-й») и «Вяленая вобла». А 8 марта происходит объяснение Салтыкова с начальником Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистовым, после которого становится очевидным, что судьба журнала предрешена.

Но и после закрытия «Отечественных записок» сочинение сказок и, что важно, их публикация продолжились. Так, в начале ноября 1884 года в Петербурге выходит юбилейный Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым «XXV лет. 1859–1884», где печатаются сказки «Добродетели и Пороки», «Карась-идеалист» и «Обманщик-газетчик и легковёрный читатель» под общим заглавием «Сказки», что свидетельствует о конъюнктурном характере цензурных историй с публикациями сказок в «Отечественных записках». В то же время очевидно, что именно цензурные затруднения с обнародованием отдельных сказок привлекли к ним внимание социал-радикальных кругов, активно взявшихся за их распространение не с художественными или просветительскими, а именно политико-пропагандистскими целями. Особый интерес у соответствующих деятелей вызвали сказки «Премудрый пискарь», «Самоотверженный заяц», «Бедный волк», «Добродетели и Пороки», «Медведь на воеводстве», «Обманщик-газетчик и легковёрный читатель», «Вяленая вобла» и «Орел-меценат», причем все эти нелегальные или зарубежные публикации имели сугубо антигосударственное предназначение, будучи к тому же весьма неряшливо подготовленными с издательской точки зрения, так как печатались по непроверенным, зачастую случайным спискам или по неправленным корректурным гранкам «Отечественных записок».

Если же говорить о российских публикациях, то в целом эти разностильные тексты, печатавшиеся в 1880-е годы в разных изданиях, но преимущественно, повторим, в одном месте – в газете «Русские ведомости», и всегда в том или ином виде маркируемые как *сказки*, стали для Салтыкова мобильной формой для удовлетворения своих публицистических инстинктов. Но вскоре он потерял к ним интерес и занимался только почти механической работой подготовки уже написанного для сборника 1886 года и для собрания сочинений.

Значительно важнее для понимания творческого феномена Салтыкова его другие художественные произведения, написанные после закрытия «Отечественных записок».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боград, В. Э. Журнал «Отечественные записки» (1868–1884): Указатель содержания В.Э. Боград. – Москва: Книга, 1971. – 734 с.

[**Кавелин К.Д.**] Из писем К.Д. Кавелина к графу Д.А. Милютину. 1882–1884. Сообщил Д.А. Корсаков // Вестник Европы. – 1909. – № 1. – С. 1-48.

Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889: Биография / С.А. Макашин. – Москва: Художественная литература, 1989. – 527 с.

Письма писателей к Салтыкову: Предисловие, публикация и примечания Н.Яковлева // Литературное наследство. Т. 13–14: Щедрин. Кн. II. – Москва: Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 345-442.

Русские писатели. Биобиблиографический словарь. 1800–1917. Т. 3. – Москва: Большая российская энциклопедия; НВП «Фианит», 1994. – 582 с.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Художественная литература, 1965–1977.

Скабичевский, А. М. Литературные воспоминания / А.М. Скабичевский. – Москва: Аграф, 2001. – 432 с.

Феоктистов, Е. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 / Е. Феоктистов. – Москва: Новости, 1991. – 460 с.

Цензура в России в конце XIX–начале XX века: Сборник воспоминаний / Сост. Н. Г. Патрушева. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. – 366 с.

Цензурные материалы о Щедрине: Публикация Н. Выводцева, В. Евгеньева-Максимова, И. Ямпольского // Литературное наследство. Т. 13–14: Щедрин. Кн. II. – Москва: Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 97-170.